

Два с лишним года назад (а именно — 16 июля 1983 года) «Омская правда» поместила небольшой очерк «Уроки родиноведения». Тогда, конечно, я не думал, что когда-нибудь придется возвращаться к этой работе да еще возвращаться таким неожиданным образом...

В той публикации шла речь об одном необычном учебнике, выпущенном в нашем городе в далекое 1916 году. Назывался он «Учебник родиноведения для школ Западно-Сибирского учебного округа» и рассказывал об Акмолинской области (Омск был тогда ее административным центром). Эта книга была призвана научить школьников любить не только Родину вообще, а знать и любить вещи вполне конкретные — свою область, свой уезд, деревню — их географию, историю, природу, людей. Рассказал я вкратце и об авторе учебника — преподавателе Омской учительской семинарии Александре Никитиче Седельникове (1876—1919 гг.). Он был не только незаурядным педагогом-демократом, но и талантливым ученым-географом, автором многих научных трудов о Западной Сибири, Алтае и Казахстане. Напомню, что на здании бывшей

учительской семинарии (теперь там профтехучилище № 5) в 1967 году была установлена мемориальная доска в его честь.

Возвращаюсь же к своей старой публикации вот почему.

В конце 1984 года Омское издательство выпустило мою очерковую книжку «Прошлое в настоящем». На своей последней странице — под рубрикой «Новые книги Омского издательства» — об этом сообщил журнал «Сибирские огни». И это трехстрочное сообщение, оказывается, взволновало старую женщину, живущую в алтайском селе Шебалино, — Анастасию Петровну Иванову. Взволновало настолько, что она послала письмо в Омск, в издательство с вопросом: где достать книгу? («Система» нашей книжной торговли такова, что в том же Алтайском крае легче купить книгу автора, живущего, допустим, на Кубе, чем в Омске, Новосибирске или в Алма-Ате. Ну, это так, к слову — от давней злобы на данный факт).

Дело в том, что... Впрочем, вот цитата из письма (его переслало мне издательство):

«Я училась в Омске, в учительской семинарии (1918—1923 гг.), с большими перерывами. Меньше учились, больше ходили на митинги, собрания,

«Я УЧИЛАСЬ В ОМСКЕ...»

демонстрации. ...Я родилась и выросла в бывшей станции Щучинской Кокчетавской обл., ныне гор. Щучинск.

...Из всех городов я очень и очень люблю Омск. Помимо всего, что впитал в себя Омск, что дал он стране, что было в нем с 1917 года, — это еще: Омск — самый солнечный город в Сибири и когда-то был самым европейский город в Сибири. Люблю за революцию, за память о моих боевых товарищах — соучениках, погибших за революцию. Омск — это мое горькое очарование...»

Смысл последних слов вы, читатель, поймете позднее, пока просто обратитесь на них внимание.

А сейчас приведу то место из письма Анастасии Петровны, которое при первом прочтении прямо-таки поразило меня. Дело в том, что личностью Александра Седельникова, его оригинальным учебником я заинтересовался уже после того, как рукопись книжки «Прошлое в настоящем» была готова и сдана в набор, Седельников в ней лишь мельком упоминается. Но, оказывается, имя нашего города ассоциируется у А. П. Ивановой прежде всего с именем этого человека. Читайте:

«Теперь о главном — зачем пишу.

В семинарии директором работал Седельников Александр Никитич. Умер рано... Мы все его бесконечно любили. Много ездил по краю. Любил горный Алтай, рассказывал нам об его роскошной, изумительной природе. Сказал, что изучал растения, и один из скромных цветков Горного Алтая назван его именем.

Но это тоже для меня не главное.

В Щучьем я училась в высшем начальном училище, и однажды на уроке географии нам каждому подарили по небольшой книжечке, в которой был описан Кокчетавский уезд и наша станция: население, природа. И была она... А. Н. Седельникова. И я часто вспоминаю ее, эту брошюру, и страшно жалею, что не сохранила. И, пребывая на уроках Александра Никитича, ни разу не осмелилась спросить его об этой книжечке...

Если что сохранилось об Александре Никитиче, то пусть кто-либо напишет о нем, о его трудах...»

Так вот оно что: эта женщина — ученица Седельникова! Мог ли я предполагать, работая над очерком о ставшем библиографической редкостью «Учебнике родиноведения» и его авторе, что со мной заговорят не архивные документы, а живой человек, для которого

и сам учебник, и написавший его ученый были живой жизнью?!

Тотчас же послал в Шебалино и свою книжку, и вырезку из «Омской правды». Задал А. П. Ивановой ряд вопросов. Но ответа пришлось ждать долго: как потом оказалось, Анастасия Петровна была больна. Однако ждать стояло:

«...Думала ли я, что под конец своей жизни узнаю, что (книга) «Учебник родиноведения» Александра Никитича Седельникова, которую мы, ученики Щучинского высшего начального училища, изучали в 1916 году и которая оставила в душе моей неизгладимое впечатление, вновь может встретиться мне...»

Дело в том, что в этом учебнике отдельно описана наша станция Акмолинской (бывшей) области, в том числе и наша Щучинская. (Прочно засели в голове слова: «Я — дочь казак-станции Щучинской Кокчетавского уезда Акмолинской области, первого военного отдела Сибирского казачьего войска Ермака Тимофеевича полна...»).

Помню, даже в Омске — там, где семинария, рядом были улицы: Кокчетавская, Атбасарская, Акмолинская. Когда я училась, то мы, девчата, жили на Кокчетавской. А семинария находилась на углу Кузнецкой и Варламовской. В нескольких

шагах от семинарии находился лагерь для военнопленных. Я хорошо помню ночь восстания и (его) подавления. Мы сидели на крыше директорской квартиры и планали... Встречала одного из уцелевших — с совершенно белой головой, который читал собственное стихотворение, посвященное этому страшному событию: «Я помню ночь, одну из страшных...»

...Вы просите написать воспоминания о пребывании в семинарии. В семинарии я училась всего полтора года: с ноября 1917 по февраль 1919-го. Со смертью Александра Никитича семинария надолго закрылась, и я не помню, когда она вновь стала работать и когда Женя Крутиков мог ее окончить... Я переписываюсь с одним из этого (последнего) выпуска, с Сашей Ивановым. Вот кто мог (бы) написать многое о семинарии, и брат его — Венедикт Константинович, окончивший Сиб. (сельхоз) академию и работавший профессором метеорологии в Омском с/х-от институте, умерший в 1976 году. Они были ревностными патриотами семинарии и любили ее преподавателей, обожали Александра Никитича. Получив от вас письмо, я сразу же написала Саше, но от него уже давно нет писем. У него умерла жена, он тяжело переживал ее смерть. И, наверное, безнадежно болен или умер. У него есть много фотографий о семинарии, также и фотография последнего выпуска. Из этого

выпуски многие стали профессорами: Залесский Гриша, Климович, Добродеев Коля, Шевченко Гриша, Вена Иванов, Тюменцев Коля, Кудрин Коля — помогла Советская власть. Если я добуду фотографию последнего выпуска, то pošлю вам. Еще и еще раз напишу Саше...»

...Вы, наверное, подумаете, что мы только и интересовались чем-то одним. Господи! Да ведь шла революция! Огненные годы. Большевики. Ленин... Правда, мы не были организованы, не входили ни в какие молодежные организации. Зато не пропускали ни одного митинга, ни одной демонстрации. Не пропускали ни одного выступления Лобнова на вокзале и ни одного массового трудового мероприятия. Посещали и гортеатр, библиотеки им. Белинского и им. Пушкина, кинотеатр «Гигант» за мостом и «Эхо» на вокзале. Часто бывали в клубе им. Подбельского в доме Гутермахеров на углу по ул. Учебной. Там выступал писатель Антон Сорокин в купе с футуристами, что делало эти выступления особенно интересными (море смеха), восторженными и часто недоуменными. Антон Сорокин жил напротив клуба в красивом старинном особняке. Мы тоже бывали у него...»

Сколько интереснейших подробностей, сколько знакомых имен — знакомых и по книгам, и — что главное — по собственной жизни! Например, об Омском художнике Евгении Крутикове (1901—1937 гг.) я писал, был знаком с его ныне покойной сестрой Агриппиной Александровной. Бывал когда-

то в гостях и у профессора В. К. Иванова...

А теперь, читатель, вспомните о словах из предыдущего письма Анастасии Петровны — «Омск — мое горькое очарование». Вот в чем их высокий человеческий смысл:

«...В бою под Марьяновкой 25 мая 1918 года погиб мой возлюбленный, с которым мы хотели пожениться, — Красногвардеец Евгений Осипович Аммер (поляк). У меня есть цветная фотография памятного на месте боя. Мне прислала знакомая. Бывая в Омске проездом из своего родного Щучинска, я неизменно посещаю мемориал вечного огня, где в углу, ближе к памятнику, находится плита под мостом Илена. Привожу с собой и кладу на плиту пучок распустившихся верб: последний раз виделась в вербное воскресенье 1918 года...»

Не буду комментировать эти трепетные строки, написанные крупным и неровным старческим почерком. Повторю лишь еще раз давнюю истину: прошлое — оно, действительно, в настоящем.

А в самом конце скажу: автор «Учебника родиноведения», умерший от сыпняка в 1919 году, славный Александр Никитич Седельников воспитал достойных учеников — людей, любящих Родину.

А. ЛЕЯФЕР.